

Прощания с Россией не будет - Валентин Распутин

[Журнал «Шестое чувство»](#)

Предлагаем вниманию читателей духовные размышления писателя Валентина Григорьевича Распутина о наиболее злободневных проблемах нашей непростой жизни. В данной публикации, с согласия писателя, использовались материалы его бесед, опубликованные совсем недавно в замечательной книге В. С. Кожмяко «Валентин Распутин. Боль души», вышедшей, как, впрочем, и все другие по-настоящему нужные для России книги, крайне маленьким тиражом. Все поправки и изменения в указанных материалах – авторские.

О РАЗВАЛЕ РОССИИ И О ВНУТРЕННЕЙ ЭМИГРАЦИИ

– Не разваливать надо было Союз по планам американских специалистов-советологов, с голоса которых действовали отечественные расчленители, заходясь в требовательной истерике, а держаться вместе. Отпустив на волю вольную, разумеется, тех, кто свою совместную жизнь с Россией считал невозможной. Но и здесь прислушиваясь к мнению народному, а не к мнению национал-

расплевательства. Держаться вместе до тех пор, пока произойдет общественное отрезвление, поскольку в горячке да во взаимных обличениях разумного решения быть не может. А там – как будет соизволение Божье и народное. Но именно отрезвления-то и боялись. Вообще вся перестройка, перекройка, перетряска творились в невероятной спешке, горячке, в возбуждении и опьянении, в мстительной запальчивости и угаре, как будто дело касалось не великого государства, имеющего тысячелетнюю историю, а умыкнутого с чужого воза достояния. В том, как происходил раздел, было что-то разбойничье, воровское, неприличное – скорей, скорей, чтобы не спохватились и не вернулись к месту преступления. Когда-нибудь историки постараются разгадать этот удивительный феномен: как мелкие жулики с легкостью провели мирового масштаба сделку, превратив нас всех в жертвы своих политических манипуляций.

Что выиграла от раздела Россия? Потеряла свои исторические земли, оставила «за границей» как заложников десятки миллионов русских, обратила дружеские чувства в ненависть к себе, разбила великое множество судеб и вдобавок еще выплачивает контрибуции, как потерпевшая поражение в войне.

Нельзя допустить дальнейшего развала России. Пока не будет правительства, защищающего национальные интересы России, надежды невелики. Пока не придут к власти государственники, подобные Столыпину, и приоритеты собственного народа не возобладают над приоритетами чужих корыстных замыслов, ничего хорошего ждать нельзя.

Это начало начал – власть национального доверия. Россия, свалившись в заготовленную для нее яму, ушиблась жестоко, переломала кости, в ее теле травма на травме, но – не убилась, поднять ее можно. Антинародная политика властей того времени привела к тому, что не только стали растаскивать государственные богатства, но и принялись уходить из государства люди, притом в массовом порядке. Я имею в виду не эмиграцию в Америку или Израиль, а устранение от своих обязанностей по отношению к государству, то есть эмиграцию внутреннюю. В избирательных списках эти люди присутствуют, но из агонизирующего государственного организма они вышли и живут только своими интересами, занятые собственным спасением. Это граждане автономного существования, сбитые в небольшие группы, сами себя защищающие, сами себя поддерживающие материально и духовно. Это как старообрядцы в прежние времена, не желающие мириться с чужебесием нового образа жизни. Если бы удалось вернуть их на государственную службу, а для этого надо, чтобы власть признала и сказала им, что России без них нет, когда они убедятся, что положение меняется и государством управляют патриоты, то не смогут не влиться в самую деятельную и здоровую силу. Народ силен подъемным, восходительным настроением, появившейся перед ним благородной целью. В России больше восьмидесяти процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может. Напротив, это – сдерживающее начало от агрессивности, которая сейчас, к несчастью, поразила весь мир. Что плохого, если мы учим: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский.

О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ И «ФАШИЗМЕ»

– Подменять национальную идею фашизмом могут лишь люди злонамеренные, заинтересованные в окончательной гибели России. Народная идеология не может быть фашистской, тут сознательное

передергивание карт, и далеко не безобидное для народа. Надо ли о нем, о народе, заботиться, опускаться даже до ложных поклонов перед ним, если он, за исключением небольшого просвещенного меньшинства, фашиствующий? Шкуру с него вон! Но знают ли господа, заправляющие политической кухней, насколько опасно блюдо, изготовлением которого они постоянно заняты, – национальное унижение?

Кричат: на галеры его, этот народ, если он перестает плясать под дудку политической режиссуры, если он, такой-рассякой, не понимает, для чего он существует! А потом и совсем от него избавиться. Методы массовой стерилизации, или как это еще называется, есть, история ими полна. А в Россию на его место «цивилизованный» народ из Европы, Турции, Китая, Кореи. Хватит дикость разводить! У Достоевского есть как нельзя лучше подходящие нашему моменту слова: «Как же быть? Стать русским во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским – значит перестать презирать народ свой... Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний».

Национальная униженность – это ведь не только предательство национальных интересов в политике и экономике и не только поношение русского имени с экранов телевидения и со страниц журналов и газет, но и вся обстановка, в том числе бытовая, в которой властвует, с одной стороны, презрение, с другой, уже с нашей, – забвение. Это и издевательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба, и оголтелая (вот уж к месту слово!) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки – все чужое, будто ничего у нас своего не было.

Я не могу, не умею быть нетерпимым к любому национальному чувству, если оно не диктует себя всем, так почему же считается преступлением мое национальное и патриотическое чувство? Господь, создавая народы, каждому вручил свой голос, свое лицо и обряд – так и давайте, не мешая, а только обогащая друг друга, пользоваться ими во имя исполнения данных нам заветов.

Природа фашизма такова, что это естественное стремление защитить себя от перерождения и подчинения чужому приводит к уродливому искажению своего. Фашизм вырабатывает фанатизм и под видом сильной национальной власти способен на все. В том числе и превратиться в чудовище Третьего рейха, в образе которого он сегодня и воспринимается. Вот этим и пользуются сознательные путаники, оседлавшие российскую идеологию. Вся она, эта идеология, кроится под обвинительное заключение против того самого простака, который по навету вора берется под стражу как злоумышленник и преступник.

Истинные преступники не могут не понимать, что неслыханное в мире ограбление в считанные годы богатейшей страны, глумление над святынями, над историей, над самим русским именем способны вызвать ущемленное чувство национального достоинства, требующее действия. Это неизбежная реакция, так было, так будет. Но и остановиться преступники не в состоянии, слишком преуспели в своем ремесле грабежа, слишком зарвались, слишком много поставлено на карту. Наглость и страх диктуют тактику – только вперед! Ущемленное чувство национального достоинства после Версаля и итогов первой мировой войны явилось в Германии питательной средой для зарождения фашизма. Россия сегодня пострадала сильнее, поражение ее унижительней, обида должна быть больше – вроде

бы все необходимые условия для вынашивания фашизма. Ну и подсунуть ей это чудовище, и завопить на весь мир об его опасности! Знают прекрасно, что здесь совсем другой народ – начисто лишенный чувства превосходства, не заносчивый, не способный к муштре, непритязательный, а теперь еще и с ослабленной волей. Знают, но на это и расчет: чем наглей обвинения, тем противней от них отмываться. Чтобы в «этой» стране все оставалось на своих местах, образ побежденного, в сравнении с благородным ликом победителя, должен иметь самое страшное, самое отталкивающее выражение.

И пошло-поехало: всякое национальное действие, необходимое для дыхания, будь то культурное, духовное, гражданское шевеление, – непременно «наци», окраска фашизма. Православная икона – «наци», русский язык – «наци», народная песня – «наци». Истериčno, напористо, злобно-вдохновенно – и беспрерывно.

Русский человек оказался в изоляции от своих учителей, его сознание и душу развращают и убивают вот уже более двадцати лет, но чутье-то, чутье-то, если не разумный и независимый взгляд!.. У нас в крови это всегда было – издали распознавать злодейство. Как можно верить тем либеральным журналистам, которые убеждают русских в существовании русского фашизма?.. Народ на мякине не проведешь. Визг, поднятый вокруг «русского фашизма» и антисемитизма, неприличен, он сам выдает себя с головой. Будь действительно опасность фашизма, реакция должна бы быть серьезней, как накануне второй мировой войны. Тут и детектора лжи не надо, так видеть. Опасность-то, кстати, есть, но с какой стороны – вот тут надо всматриваться зорче.

Под экономической разрухой, несмотря на огромные потери, мы выстояли, под нравственной разрухой выстояли, сопротивление нарастает. Ну так «русским фашизмом» его по голове, русского человека, как контрольным выстрелом в затылок. Чтобы, мол, спасти мир от смертельной опасности. «Цивилизаторы» раз за разом спасают мир от смертельной опасности, которая исходит почему-то от самых обессиленных экономической блокадой и бомбардировками – от иракцев, сербов... И вот теперь очередь России. Это закон хищников, уголовщины – добивай раненых, больных, изможденных, виноватых лишь в том, что они не признают свободу на поводке.

О ПОДЛИННОМ ПАТРИОТИЗМЕ

– Зачем патриотизм? А зачем любовь к матери, святое на всю жизнь к ней чувство? Она тебя родила, поставила на ноги, пустила в жизнь – ну и достаточно с нее, дальше каждый сам по себе. На благословенном Западе почти так и делается, оставляя во взрослости вместо чувства кой-какие обязанности.

Любовь к Родине – то же, что чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам все, что мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме, поэтому повторяться не стану. Напомню лишь, что патриотизм – это не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землей, но прежде всего долг перед нею, радение за ее духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с ее страданиями и радостями. Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он – духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своем Родину, не запутается, не опустится, не озвереет, ибо она найдет способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

Кто же в таком случае ненавистники патриотизма? Или те, кто не признает никакого другого рода,

кроме своего, или легионеры нового мирового порядка – порядка обезличивания человека и унификации всего и вся, а для этих целей патриотизм, конечно же, помеха.

Мы, к сожалению, неверно понимаем воспитание патриотизма, принимая его иной раз за идеологическую приставку. От речей на политическом митинге, даже самых правильных, это чувство не может быть прочным, а вот от народной песни, от Пушкина и Тютчева, Достоевского и Шмелева и в засушенной душе способны появиться благодатно-благодарные ростки.

Родина – это прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом «территория». Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина – он любит и защищает все доброе и слабое на свете, нет – все ненавидит и все готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рождения и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее – живем же мы в своих детях и внуках бесконечно. Бесконечно, пока есть Родина. Вне ее эта связь прерывается, память слабеет, родство теряется.

Для меня Родина – это прежде всего Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой Лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной...

Родина больше нас. Сильней нас. Добрей нас. Сегодня ее судьба вручена нам – будем же ее достойны.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАМИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?

– Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад Россию не получит. Всех патриотов в гроб не загнать, их становится все больше. А если бы и загнали – гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Такого еще не бывало, но может быть.

Я верю – мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако легкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства – слишком лакомый кусок...

О ЛИТЕРАТУРЕ: МЫСЛИ ВСЛУХ

– Я понимаю себя и всегда понимал все-таки как писателя русского. Советское имеет две характеристики – идеологическую и историческую. Была петровская эпоха, была николаевская, и люди, жившие в них, естественно, были представителями этих эпох. Никому из них и в голову не могло прийти отказываться от своей эпохи. Точно так же и мы, жившие и творившие в советское время, считались писателями советского периода. Но идеологически русский писатель, как правило, стоял на позиции возвращения национальной и исторической России, если уж он совсем не был зашорен партийно.

Литература в советское время, думаю, без всякого преувеличения могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось

предъявлять всю художественную мощь вместе с духоподъемной силой возрождающегося национального бытия. Литературе, как и всякой жизненной силе, чтобы быть яркой, мускулистой, требуется сопротивление материала. Это не обязательно цензура (хотя я всегда был за нравственную цензуру или за нравственную полицию – как угодно ее называйте); это могут быть и скрыто противостоящие механизмы, вроде общественного мнения. К примеру, нынешнего, которое вора и проститутку считает самыми уважаемыми людьми и предателю воздает почести.

Кстати, советская цензура сделала Александра Солженицына мировой величиной, а теперешнее «демократическое» мнение, укорачивая Солженицына, сделало его, что еще важнее, величиной национальной.

Нынешний сверхбыстрый и глубокий сброс интереса к книге говорит о неестественности этого явления, о каком-то словно бы испуге перед книгой. Именно этот испуг и нужно считать одной из причин резкого падения числа читателей. Главная причина здесь, конечно, – обнищание читающей России, неспособность купить книгу и подписаться на журнал. Вторая причина – общее состояние угнетенности от извержения «отравляющих веществ» под видом новых ценностей, состояние, при котором о чем-либо еще, кроме спасения, думать трудно. И третья причина – что предлагает книжный рынок. Не всякий читатель искушен в писательских именах. Вот он идет в библиотеку... В любой библиотеке вам скажут, что читают по-прежнему немало... Но все поступления последних лет – «смердяковщина», американская и отечественная, и для детей – американские комиксы.

И читатель правильно делает, когда от греха подальше он обращается к классике.

А нас читать снова станут лишь тогда, когда мы предложим книги такой любви и спасительной веры в Россию, что их нельзя будет не читать.

ОБ УБИТЫХ ЖИВЫМИ

– Этот век явился для России веком трагическим, страшным. Никакой другой народ тех ломок, потерь, напряжений, какие достались народу нашему, не выдержал бы, я уверен. Ни времена татарского ига, ни Смуты XVII века ни в какое сравнение с лихолетьем России в XX веке идти не могут. Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека – в вере, идеалах, нравственном духовном прямостоянии. В прежние тяжелые времена это прямостояние не менялось. Не менялось оно и в поверженных во Второй мировой войне Германии и Японии, что значительно облегчило им возвращение в число развитых стран, а ущемленное национальное чувство – ущемленное, а не проклятое и не вытравливаемое, – стало в этих странах возбудителем энергии.

Исключительно страшен психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные условия, обесценивание и обесцеливание человека, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом. Вымирающая Россия – отсюда, от этого выброса без спасательных средств в совершенно иную, убийственную для нормального человека атмосферу. Здесь причины эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей – от ничего, под тоскливый вой души.

Ничуть не сомневаюсь, что и это предусматривалось «реформаторами» заранее. «Инакомыслящие»

пошли в оппозицию, живут в постоянном сопротивлении новому порядку вещей, «инакодушные», более чувствительные к жестким и унижительным условиям, растерянные, не видящие просвета в жизни, уходят в могилу до срока.

Что касается «знакового» художественного образа для выражения нынешнего состояния России – его литература предложить не смогла. Я думаю, потому, что реальность оказалась за гранью возможностей литературы. Больше того – наступила эпоха за гранью жизни. Для нее есть единственный образ – Апокалипсис в Откровении Иоанна Богослова.

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

– Вопрос: что лучше для народной нравственности – атеистическое государство, предлагающее под своей вывеской евангельские заповеди, или государство неограниченных свобод, где не утесняется вера, но махровым цветом расцвело зло, направленное как против веры, так и вообще против нравственности?

Церковь освобождена от теснений, но отдана на растерзание всем, кому она мешает. Православие стараются расколоть, растлить и обезобразить с помощью «свобод». Этим и сейчас занимаются всюду, против него еще больше будут стянуты все воинствующие силы.

В грязном мире, который представляет из себя сегодня Россия, сохранить в чистоте и святости нашу веру чрезвычайно трудно. Нет такого монастыря, нет такого заповедника, где бы можно было отгородиться от «мира». Но у русского человека не остается больше другой опоры, возле которой он мог бы укрепиться духом и очиститься от скверны, кроме Православия. Все остальное у него отняли или он промотал. Не дай Бог сдать это последнее. Помните, у Василия Шукшина: «Народ весь разобрался». Но тогда он еще не «разобрался». У Шукшина это было предчувствие возможного, а теперь уберечь или даже ослабить духовную связующую силу – и все, больше связаться нечем.

В этой связи я бы и рад согласиться с мнением, что мы превратились чуть ли не в профессиональных плакальчиков, что картина современной России не столь мрачная, как нам представляется... Рад бы, но... Достаточно поглядеть вокруг.

Вот вам жизнь моей родной деревни на реке Ангаре, теперь там Братское водохранилище. Судите сами, жизнь ли это? Пятьдесят лет назад моя Аталанка была перенесена из зоны водохранилища на елань, сюда же свезли еще пять соседних деревень. Вместо колхозов стал леспромхоз. С началом перестройки он пал смертью храбрых на рыночном фронте. В большом поселке совершенно негде стало работать. Магазин и пекарню закрыли, школа сгорела (правда, сейчас ее отстроили заново), солярку покупать не на что, электричество взблескивало ненадолго в утренние и вечерние часы. Но это еще не вся беда. Воду в «море» брать нельзя, заражено много чем, а особенно опасно – ртутью. Рыбу по этой же причине есть нельзя. Почту могут привезти раз в неделю, а могут и раз в месяц.

И если бы в таком аховом положении была одна моя деревня... Их по Ангаре, Лене, Енисею множество. Никакого сравнения не только с войной... сравнивать не с чем. И тем не менее петь отходную я бы не стал. Человек возвращается в жизнь и из состояния клинической смерти, то же самое чудо способно произойти и с государством. Конечно, это происходит в том случае, если всерьез берется за его спасение, а не делают ложных движений.

КАК СЕЙЧАС ПОНЯТЬ РУССКИЙ НАРОД?

– Мы не знаем, что происходит с народом, сейчас это самая неизвестная величина.

Албанский народ или иракский нам понятнее, чем свой. То мы заклинательно окликаем его с надеждой: народ, народ... народ не позволит, народ не стерпит.... То набрасываемся с упреками, ибо и позволяет, и терпит, и договариваемся до того, что народа уже и не существует, выродился, спился, превратился в безвольное, ни на что не способное существо.

Вот это сейчас опаснее всего – клеймить народ, унижать его сыновним проклятием, требовать от него нереального образа, который мы себе нарисовали. Его и без того беспрерывно шельмуют и оскорбляют в течение двадцати лет из всех демократических рупоров. Думаете, с него все как с гуся вода? Нет, никакое поношение даром не проходит. Откуда же взяться в нем воодушевлению, воле, сплоченности, если только и знают, что обирают его и физически, и морально.

Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают все население или всего лишь простонародье. Он – коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определенного часа, в который и способна взбуриться, словно под давлением формировавших веков.

Достоевским замечено: «Не люби ты меня, а полюби ты мое», – вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему». Вот эта жизнь в «своем», эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная «утварь» национального бытия и есть мерило народа.

Так что осторожнее с обвинениями народу – они могут звучать не по адресу.

Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Все, что могло купиться на доллары и обещания, – купилось; все, что могло предавать, – предало; все, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, – согласилось; все, что могло пресмыкаться, – пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст.

Ее, эту коренную породу, я называю «второй» Россией, в отличие от «первой», принявшей чужую и срамную жизнь. Мы несравненно богаче: с нами – поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское, а с ними – одно только «Поле чудес».

О СМИ И ОПЫТЕ НАД КРЫСАМИ

– Я странный человек, я изначально не люблю телевидение. Даже когда оно было приличным. «Доставка на дом» всего и вся меня не устраивает. Спектакль нужно смотреть в театре, книгу обсуждать с друзьями, на футбол ходить на стадион. Сидеть несколько часов подряд, уставившись в светящийся угол, и потреблять то, что на тебя вываливают, – это и неестественно, и как-то глупо. И можно было с самого начала не сомневаться, что огромные возможности телевидения будут использованы во вред человеку. Как есть женщины, не способные к постоянству, так есть и

искусства, придуманные в недобрый час, предрасположенные к уродству. А сегодняшнее российское телевидение – самое грязное и преступное в мире. Я его перестал смотреть, разве что изредка новости, и участвовать в нем желания не испытываю... Там «свои». Одержимые одной задачей, составляющие один «батальон» лжи и разврата.

«Дьявол с Богом борются, и поле битвы – сердца людей» – эти слова Достоевского будут вечным эпиграфом к человеческой жизни. В каждом человеке сидят два существа: одно низменное, животное и второе – возвышенное, духовное. И человек есть тот из двух, кому он отдается. Да, многие привыкли к той телевизионной жвачке, которой пичкают их с утра до вечера, многим она нравится. И боевики со стрельбой и кровью, и Содом в обнимку с Гоморрой, и пошлости Жванецкого с Хазановым, и эпатажи Пугачевой, и «Поле чудес», и прочее-запрочее. Ну что же – на то и сети, чтобы ловить наивные души. Одно можно сказать: жалко их, сидящих то ли на крючке, то ли на игле.

Сейчас уже ничему нельзя удивляться. Но на меня произвела впечатление информация в одной из газет об опытах над крысами. Их приучили лапками нажимать на кнопки, которыми регулируется подача в центры удовольствия (есть такие и у людей, и у животных) электрических толчков малой мощности. Выставлялись эти электрические приборы, а неподалеку выставлялась пища. Крысы, погибая от голода, не могли оторваться от кнопок, которые посылали им удовольствия. Вот так-то!

ЕСТЬ ЛИ У НАС ПЕРСПЕКТИВЫ?

– Боюсь, года через два-три, ежели ничего не изменится, и волынка с властью, которая служит чужим интересам, будет продолжаться, то Россию силой заставят принять капиталистические «завоевания», а они к тому времени станут еще разительнее и свирепее. С Россией уже сейчас не считаются, и чем дальше, тем меньше будут считаться. Государство, сознательно убивающее самое себя, – такого в мире еще не бывало. На нее, слабеющую все больше и больше, уже заведены свои планы, свои расчеты, и потерять Россию как своего вассала, потерять ее с возвращением в самостоятельную и самодостаточную величину не захотят.

Вот мы с вами говорим, а я все думаю: для чего говорим, кого и в чем хотим убедить? Экономисты считают, что с той экономикой, которая у нас осталась, Россия уже не должна жить, и если она худо-бедно живет, то только за счет того, что проматывает наследство предыдущих поколений и расхищает наследство, которое необходимо оставить поколениям будущим. Россию обдирают как липку и «свои», и чужие – и конца этому не видно. Для Запада «разработка» России – это дар небес, неслыханное везенье, Запад теперь может поддерживать свой высокий уровень жизни еще несколько десятилетий. Ну, а домашние воры, полчищами народившиеся из каких-то загадочных личинок, тащат буквально все, до чего дотягиваются руки, и тащить за кусок хлеба им помогают все слои населения.

Повалили Отечество и, как хищники, набросились на него – картина отвратительная, невиданная!

Двадцать лет назад мировое государство с единым правительством, единой экономикой и единой верой могло еще считаться химерой. После крушения СССР и прихода в России к власти демократической шпаны, с восторгом докладывавшей американскому президенту об успехах разрушения, мир в несколько лет продвинулся в своих мондиалистских усилиях дальше, чем за

многие предыдущие столетия. Пал бастион, которым держались национальное разнообразие и самобытные судьбы. После открытия Америки и устройства там могучего космополитического государства прорыв в Россию стал главным событием второй половины прошлого столетия. Это слишком важная победа, чтобы ее захотели отдать обратно. Сейчас Запад еще прислушивается: что происходит в недрах нашей страны? – а через два-три года с нами начнут поступать так же, как с Ираком и Фолклендскими островами.

– Объявлять конкурс на национальную идею – все равно что объявлять конкурс на мать родную. Это абсурд, который может прийти в голову только сознательным путаникам, взявшимся наводить тень на плетень. Вообще «верховные» поиски объединительной идеи шиты белыми нитками и имеют целью не что иное, как сохранение своей власти, приведение к присяге ей всей России. Этого никогда не будет. Сегодня заканчивается расслоение России не только на богатых и бедных, но и на окончательно принявших теперешний вертеп и окончательно его не принявших. Это гораздо больше, чем классовые расхождения в 1917 году.

Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это – правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую, силу, одинаковое государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это – покончить с обезьяньим подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой «культуры», создать порядок, который бы шел по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. Прав был Михаил Меньшиков, предреволюционный публицист, предупреждавший, что никогда у нас не будет свободы, пока нет национальной силы. К этому можно добавить, что никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки!

От этих истин стараются уйти – вот в чем суть «идейных» поисков. Политические шулеры все делают для того, чтобы коренную национальную идею, охранительную для народа, подменить чужой национальной или выхолостить нашу до безнациональной буквы.

МОЖНО ЛИ НАДЕЯТЬСЯ НА МОЛОДЕЖЬ?

– У меня впечатление, что молодежь-то как раз не «вышла» из России. Вопреки всему, что на нее обрушилось. Окажись она полностью отравленной и отчужденной от отеческого духа, в этом не было бы ничего удивительного, потому что от начала «перестройки» она выростала в атмосфере поношения всего родного и оставлена была как государственным попечением, так и попечением старших поколений, которые разбирались между собой и своими партийными интересами.

Из чего я делаю эти выводы? Из встреч с молодежью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузах опять конкурсы – и не только от лукавого желания избежать армии, что все заметней они в библиотеках. Знаете, кто больше всего потребляет «грязную» литературу и прилипает к «грязным» экранам? Люди, близкие к среднему возрасту, которым от тридцати до сорока. Они почему-то не умеют отстоять свою личность. А более молодые принимают национальный позор России ближе к сердцу, в них пока нетвердо, интуитивно, но все-таки выговаривается чувство любви к своему многострадальному Отечеству.

Молодежь теперь совсем иная, чем были мы, более шумная, открытая, энергичная, с жадой шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чужест. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас – за глаза, что, возможно, воспитывает ее лучше патриотических лекций. Она не может не видеть, до каких мерзостей доходят «воспитатели» из телевидения, и они помогают ей осознать свое место в жизни. Молодые не взяли на себя общественной роли, как во многих странах мира в период общественных потрясений, но это и хорошо, что студенчество не поддалось на провокацию, когда вокруг него вилась армия агитаторов за «свободу».

Еще раз повторю: сбитых с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся и спасающихся, причем самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию.